

«Только помня о своих мучениках, мы можем строить будущее Церкви»

В этом году наша Церковь отмечает 10-летие важнейшего события – воссоединения двух ее ветвей: Московского Патриархата и Русской Зарубежной Церкви. Акт о каноническом общении был подписан в мае 2007 года, в праздник Вознесения Господня. А в Сретенском монастыре нынешний праздник Вознесения будет особенным: в этот день будет освящен новый храм обители – во имя Новомучеников и Исповедников Церкви Русской. Об опыте, обретенном единой Церковью за эти 10 лет, о том, что значит для всех нас почитание новомучеников, о событиях и процессах, сделавших возможным воссоединение, – беседа с архиепископом Берлинским и Германским Марком (Арндтом), много сделавшим для того, чтобы разделение Русской Церкви было преодолено.

Архиепископ Марк (Арндт)

- Владыка, как вы, непосредственный участник процесса воссоединения двух ветвей Русской Церкви - Московского Патриархата и РПЦЗ, оцениваете те события спустя 10 лет?

- Это было нужно и правильно. Мы всегда знали, что это нужно, и теперь не разубедились в этом. Русская Церковь за границей никогда не считала себя отдельным, самостоятельным организмом, она всегда воспринимала себя как часть единой Русской Церкви. Так было написано на первой странице нашего Устава.

Именно поэтому мы прославили новомучеников только в 1981 году. Призыв к этому звучал намного раньше, но у наших отцов были сомнения. Даже митрополит Анастасий отказывался от прославления святого праведного Иоанна Кронштадтского. Все понимали, что отца Иоанна надо прославить, но владыка Анастасий говорил: «Мы не хотим делать того, что может создавать какой-то разрыв между двумя частями Русской Церкви». Только когда нам уже показалось, что Советская власть вечна, ничего не меняется, а Церковь в СССР не свободна выразить свою волю, тогда мы начали постепенно, понемногу прославлять: сначала Иоанна Кронштадтского, Германа Аляскинского, Ксению Петербургскую... И наконец –

новомучеников.

- Царственных мучеников?

- Всех. Весь сонм новомучеников. Царственных в том числе, не отдельно, не на первом месте.

Эта задержка показывает, что мы никогда не хотели как-то особо отделиться. Нас в свое время спрашивали: а почему вы не выбираете себе патриарха? Или: почему вы служите по-церковнославянски и по-немецки, по-французски – а не на русском? Но мы не хотели создавать ничего нового. Возможно, это была даже какая-то охранительная психология – но нам было важно сберечь традицию. Мы старались не делать ничего, что нас могло разъединить. И, слава Богу, у нас не было таких явлений, как обновленцы, неканоничные священники-двоеженцы и прочее, – для нас это было немыслимо.

Нам было важно сберечь традицию. И мы старались не делать ничего, что могло бы окончательно разъединить Церковь

Стремление к единству Русской Церкви всегда присутствовало у нас. Воссоединение могло произойти раньше – фактически с начала 1990-х годов можно было приступить к этому. Но если бы мы в 1991–1992 годах были готовы, нам пришлось бы вести переговоры с Денисенко, ни с кем иным. Он занимался тогда всеми зарубежными вопросами. Господь этого не попустил. Все знали, кто он такой и что с таким человеком нельзя сесть за стол переговоров. Нужен был какой-то очистительный процесс, который позволил поступить по-новому.

Когда на Архиерейском Соборе в Москве в 2000 году прославили новомучеников, это открыло двери. Конечно, и тогда было трудно, и сейчас остаются какие-то проблемы, например у нас до сих пор два архиепископа Берлинских и Германских. Но в целом наши две епархии, которые покрывают одну и ту же территорию, срастаются. Медленно, но уверенно. Есть разница в подходе к жизни, люди это чувствуют, но это не выходит за рамки обычных различий. Одна епархия отличается от другой – всегда так было. Различия, которые между нами существуют, частично в богослужебном чине, частично в обиходе, – то, что мы унаследовали от своих отцов. Мы за рубежом намного более консервативны, чем вы в России. Община, которая существует в чужом окружении, более ревностно сохраняет свои особенности и традиции, между тем как у себя дома люди развиваются и меняются естественным образом. Мы более уязвимы, мы на границе цивилизаций, мы сильнее стремимся сохранить в неприкосновенности то, что унаследовали.

Уже задолго до объединения у нас были очень конструктивные встречи и контакты. В каких-то наших мероприятиях участвовали священнослужители из России, наши клирики встречались и общались с российскими – и начинали лучше понимать друг друга, видеть, что всё не так, как представляется издали. Меня всегда поражало, что русские люди за рубежом сохранили свою любовь к России: несмотря на все разделения и границы, это было всегда на первом месте для них. И поэтому нам отделиться от Русской Церкви, от традиций отцов – было немыслимо.

Потом появлялись такие зилоты – чаще из новообращенных, и особенно в Америке: «Нет-нет, только мы правы, а там, в России, никакой правды нет». Они отвергали всё в Московском Патриархате. Они замечали только негативное, говорили только про экуменизм. И тут, я думаю, многие из нас спохватились и поняли, что надо действовать. Не дай Бог, дошло бы до полного отвержения – такую рану не вылечишь потом. Редко какой-то раскол в истории Церкви

излечивался. У нас было административное разделение, раскола не было, не было даже его признаков, но был риск, что они появятся, – он исходил от людей, которые не связаны с Россией, не чувствуют к ней той любви, какую сохранили наши старые эмигранты.

- Если рассматривать сам процесс объединения не с канонической, исторической, а с духовной точки зрения – что, на ваш взгляд, было труднее всего преодолеть людям, которые лично принимали участие во всем этом, несли за это ответственность? И какой опыт вы приобрели? Может быть, какое-то открытие сделали?

- Мы чувствуем, что есть серьезная разница между священнослужителями и верующими по разные стороны границы – это естественно, поскольку мы прошли разный путь и стяжали разный опыт. Опыт, который, увы, не всегда передается. Я встречаю иногда молодых людей, которые уже не знают, что такое «уполномоченный». И прочие такие вещи. И естественно, нельзя ожидать, чтобы кто-то здесь перенял наш опыт или у нас – ваш опыт: мы живем в разных условиях.

Вначале, пока мы вращались в здешнюю жизнь, было очень трудно – тогда еще Московский Патриархат активно участвовал в экуменических встречах, а для нас это было просто неприемлемо. Потом многое стало понятнее и легче, но многого мы и теперь не понимаем.

У меня в семье ни одного православного, кроме меня. Вы живете, окруженные хотя бы фиктивно или потенциально православными, а мы нет. Это создает совсем другую подоплеку, на которой развивается жизнь человека. Наше отношение к экуменизму – резко отрицательное, потому что мы живем рядом с иноверцами, с еретиками. Или, например, Причастие: на Западе, в русской эмиграции, традиция чаще причащаться появилась раньше, чем здесь. Московская Церковь долгие годы сохраняла, а может быть, частично сохраняет и сейчас, традиции XIX века. Мы, живя вне России, больше чувствовали то, что происходит на Западе, мы видели, как разлагаются католичество и протестантизм, мы понимаем, что это нам не нужно.

У нас многое происходит по-разному. Что для нас, например, совсем непривычно: в России очень сильная централизация. Русские вообще к этому склонны более, чем другие народы. А мы все вольномыслящие. У нас действительно каждая епархия имеет свое лицо, свой характер, самостоятельна, мы очень сильно ощущаем, что у нас нет никакой центральной власти. Немыслимо, чтобы в мою епархию приехал распоряжаться какой-то митрополит без моего разрешения. Эта свобода дает импульс для творчества, творческого мышления. Мы не ждем, чтобы кто-то диктовал из Москвы, что нам делать, – мы сами решаем.

- Но все-таки опыт церковной жизни в современной постсоветской России для вас – я имею в виду Зарубежную Церковь – был полезен?

- Безусловно. Во-первых, то, ради чего я сегодня здесь, – Межсоборное присутствие: это предложение зарубежных, и оно было принято. Это важно! Это именно признак нашей соборности. Это яркий пример того, как может Церковь развиваться в условиях относительной свободы. А я думаю, что любая свобода всегда относительна. Конечно, мы тоже связаны своими привычками и традициями, но Церковь становится сильнее, когда животрепещущие вопросы церковной жизни широко обсуждаются – и не только в рамках Архиерейского Собора или Синода, а выносятся на более широкий круг людей. Такое для нас – по крайней мере, в этой форме – было немислимо за границей: мы живем слишком далеко друг от друга. Но у нас всегда было более тесное общение архиерея с народом. Здесь я часто встречаю обособленность архиереев. У нас нормально, когда архиерей приезжает на престольный праздник в отдаленный приход, обедает с прихожанами, а не отдельно, рассказывает им о церковной

жизни, о том, что его занимает в данный момент, отвечает на вопросы – это настоящее живое общение. И это во всех приходах происходит, у которых есть свои храмы, а при храме какое-то помещение, где прихожане встречаются каждое воскресенье после Литургии, общаются.

У нас было совершенно смутное представление о том, как устроена приходская жизнь в России и вообще что тут за народ. Мы воспитаны на том русском народе, который выехал из России, на потомках эмигрантов – это были совсем другие люди, они даже говорили по-другому. Нам очень важно наблюдать, как возникали и возникают новые приходы за последние 20 с лишним лет, – не только строительство храмов, но строительство приходов, то есть живого организма, где возможно живое общение. Это не всегда и не везде удается, но есть интересные примеры, и это очень здоровое явление, которое влияет на нашу общую жизнь.

- За рубежом Церковь раньше, чем у нас, прославила новомучеников, стала писать их иконы. Владыка, а как вы оцениваете то, как почитаются новомученики в современной России? Это почитание было ожидаемо вами?

- Я этого ожидал. Я понимал еще до начала 1990-х годов, что это почитание уже существовало в народе. Мы долго колебались с прославлением, но мы постоянно получали такие вести и даже прямые обращения из России – на этом основании мы их и прославили. Поэтому почитание новомучеников в России не удивляет меня. Оно идет, может быть, более медленным путем, чем у нас. Мы в свое время опирались на документы, которые смогли найти; а самый основательный источник для прославления – советские газеты, где сообщалось о судах и расправах над духовенством. О двух слугах царской семьи не было известно, православные ли они (одна точно не была, насчет другого сомнения существуют). А тут с такой щепетильностью перепроверяют каждого! Иногда это доходит до абсурда...

Мы считаем: достаточно, что человек пострадал, доказал своей кровью, что он христианин.

Подход может быть разным, но меня радует, что на Соборах настаивают на необходимости углублять почитание новомучеников, что о них в России много пишут, издаются книги и журналы. Это правильно, только на такой основе мы можем строить будущее Церкви – помня о своих мучениках.

- Мы встречаемся с вами в месте, где очень много пострадало христиан. Что для вас значит появление этой святыни – храма во имя Новомучеников и Исповедников – в центре Москвы? Это важно для всей нашей объединенной Церкви?

- Я думаю, это объединяет нас. И на таком страшном месте, как и на полигоне в Бутово, где пострадали десятки тысяч христиан, – храм необходим.

В России Господь устроил более мягкий переход от диктатуры к демократии, чем у нас в Германии. Там это происходило после Второй мировой войны трагически, резко и очень болезненно (и слава Богу, что это произошло), а здесь всё идет очень-очень медленно. Фактически вы до сих пор еще живете среди людей, которые участвовали во всех этих казнях, были гонителями Церкви. И это не изжито пока даже на символическом уровне: на Красной площади в Мавзолее все еще лежит труп палача.

Поэтому такой знак очень нужен. Чтобы победить эту нечисть, вывести ее постепенно из народа. Мы часто поднимаем этот вопрос и на Архиерейских Соборах и слышим в ответ аргументы: да, но тут надо осторожнее, надо помнить, что многие еще живы... Надо или не надо? Это большой вопрос. Я благодарен Богу, что в Германии с прошлым разбирались так решительно. Может быть, мне легче быть благодарным, потому что моя семья не была связана

с этим злом. Но я видел, как трагически могут развиваться события, если эта хирургическая операция не сделана вовремя – на примере Югославии. Я знал Югославию как свои пять пальцев, она мне всегда была близка, я часто туда ездил – это была единственная социалистическая страна, куда я мог ездить. И всё, что там случилось: войны, распад страны, – результат того, что во времена Тито нельзя было говорить настоящую правду о войне, это замяли, и все конфликты были под спудом, но потом все равно всё вырвалось наружу и привело к трагическим последствиям. Всё нужно делать вовремя.

<р">Для наших прихожан чрезвычайно важно, что мы можем приезжать сюда, поклоняться святыням – об этом мы столько лет мечтали... Да даже не смели мечтать. Я воспитан на Киево-Печерском патерике, но о том, что когда-либо попаду в Киев, – и подумать не мог. Когда впервые оказался в Новгороде и смог войти в Святую Софию, поклониться святому Никите Новгородскому – это было до слез просто. Мое знакомство с монахами из России произошло на Афоне: тогда, в 1960-е годы, туда приехали самые первые монахи, – и эти встречи были такими первыми семенами для будущего сближения. Это было важно – ведь многие эмигранты просто не понимали, что происходит здесь. Это, к сожалению, особенно сказало на Южной Америке, которая после воссоединения вся ушла в раскол. Там очень мало приходов, многие клирики живут представлениями, какие были 40 лет назад, плохо знают, что здесь произошло и сейчас происходит, – и они увели людей в раскол. Когда поп идет в раскол, куда пойдет народ? Особенно если вокруг на 50 километров нет больше ни одного храма... Это страшно. Это самое тяжелое для нас – люди, которые ушли в раскол.

- А бывало, что сначала не принимали объединения, а потом понимали, что ошибаются?

- Есть такое, слава Богу.

- Что влияет в этом случае на настроения людей?

- Они меняют отношение, наверное, потому, что видят: нас «советская власть» и Московская Патриархия не поглотили. Они ведь говорили: вот, к нам придут, всё возьмут в свои руки, всё переменят, установят свои порядки. Нет, слава Богу, мы живем спокойно.

С Архиепископом Марком беседовал иеромонах Игнатий (Шестаков)

23 апреля 2017 г.

Источник: Православие.RU